

На правах рукописи

ЗУЕВА Юлия Владимировна

**ИНСТИТУТ САМОЗАЩИТЫ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИИ
(ДОКТРИНА, ПРАКТИКА, ТЕХНИКА)**

Специальность: 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки

АВТОРЕФЕРАТ

**диссертации на соискание ученой степени
кандидата юридических наук**

Нижний Новгород – 2022

Работа выполнена в Нижегородской академии МВД России.

Научный руководитель:

Баранов Владимир Михайлович,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ, почетный
работник высшего профессионального
образования РФ

Официальные оппоненты:

Ромашов Роман Анатольевич,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ,
Санкт-Петербургский гуманитарный
университет профсоюзов, профессор
кафедры теории права
и правоохранительной деятельности;

Горбачева Светлана Вячеславовна,
кандидат юридических наук, доцент,
Нижегородский институт управления –
филиал Российской академии народного
хозяйства и государственной службы при
Президенте РФ, декан юридического
факультета

Ведущая организация:

Саратовская государственная
юридическая академия

Защита состоится 14 декабря 2022 г. в 9.00 на заседании диссертационного совета 03.2.009.01, созданного на базе Нижегородской академии МВД России, по адресу: 603950, г. Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, д. 3, зал диссертационного совета.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте Нижегородской академии МВД России: <https://на.мвд.рф>.

Автореферат разослан 11 ноября 2022 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат юридических наук

Ю. В. Сидоркин

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы диссертационного исследования. Проблема индивидуальной и коллективной самозащиты гражданами своих прав и свобод, государственных или общественных интересов с древнейших времен привлекала внимание ученых и политиков, но акцент в силу разных причин традиционно делался на уголовно-правовую сферу – на феномен необходимой обороны. Значительно позднее стали появляться цивилистические и административно-правовые исследования гражданской самозащиты. В дефиците анализ философских, психологических, социологических и иных общенаучного рода аспектов юридически значимых актов самозащиты.

До сих пор в тени остается институциональная природа правовой самозащиты, не выявлены институциональные связи между многообразными формами гражданской самозащиты, не обрисована функциональная ценность рассматриваемого института, не продиагностированы его дефекты и пути повышения результативности.

Именно эти высокочисленные с общетеоретической, практической, дидактической точек зрения обстоятельства обуславливают актуальность предмета настоящего диссертационного исследования.

Российская Федерация обстоятельно подошла к решению вопроса об имплементации основных принципов и стандартов мирового сообщества в области прав человека, конституционно закрепив широкий круг гарантированных законом фундаментальных свобод, законных интересов, благ и потребностей, образующих правовой статус человека и гражданина. Вместе с тем, как показывает практика, провозглашение прав высшей ценностью еще не означает их фактического осуществления, поскольку требует наличия действенного, реально функционирующего механизма их реализации и защиты.

Оценивая деятельность в этой сфере, Президент РФ В. В. Путин подчеркнул: «о правах человека мы больше привыкли говорить, чем по-настоящему защищать эти права»¹. В трактовке Б. Джессопа современное государство – «полиморфный ансамбль институтов»² и в таком оптическом ракурсе правовой институт самозащиты –

¹ Выступление Президента РФ В. В. Путина на Всероссийском совещании прокуроров. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/21161> (дата обращения: 24.05.2022).

² *Джессоп Б.* Государство: прошлое, настоящее и будущее / пер. с англ. С. Моисеева; под науч. ред. Д. Карасева. Москва, 2019. С. 38.

один из множества элементов (инструментов) этого ансамбля. Его место и линии взаимосвязи с «внешней средой» – весьма трудное и почти неисследованное проблемное поле юриспруденции.

Действующие законы не всегда четко регламентируют вопрос о правомерности актов самозащиты, что отрицательно сказывается на восприятии гражданами состояния своей безопасности и стабильности правопорядка. Яркой иллюстрацией актуальности темы диссертации выступает широкомасштабное многоплановое сотрудничество институтов гражданского общества и органов государственной власти при определении пределов необходимой обороны в уголовном праве, когда после заседания Совета по развитию гражданского общества и правам человека, 27 января 2022 г., поступило отдельное поручение Президента России о необходимости проработки этого вопроса.

Попытки расширения пределов самообороны посредством изменения редакции ст. 37 УК РФ справедливо можно охарактеризовать в качестве современной тенденции законодательной инициативы в сфере реализации государственных гарантий защиты прав, свобод и законных интересов человека. Только за период с 2013 по 2016 гг. в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации поступило три законопроекта¹, направленных на подобную либерализацию гражданских полномочий по самостоятельному обеспечению собственного правового положения. Тем не менее ни один из них не был принят, что во многом определяется непрофессиональным подходом к прогнозируемой эффективности соответствующих модернизаций и рискам их реализации.

Очередная идея, позиционируемая в социальной среде через демократический лозунг «Мой дом – моя крепость», поступила Председателю Государственной Думы РФ 12 мая 2022 г. с двумя официальными отрицательными отзывами, нивелирующими ее позитивное начало. В силу некорректных формулировок, не только выступающих катализатором деформации самозащиты в общественно опасное поведение, но и препятствующих правовой оценке соразмерности ответных действий, Правительство РФ од-

¹ См.: О внесении изменения в статью 37 Уголовного кодекса Российской Федерации: законопроект № 265537-6 от 23.04.2013; О внесении изменений и дополнений в статью 37 Уголовного кодекса Российской Федерации: законопроект № 745275-6 от 17.03.2015; О внесении изменений в статью 37 Уголовного кодекса Российской Федерации: законопроект № 1106899-6 от 23.06.2016. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/> (дата обращения: 30.05.2022).

нозначно высказалось о недопустимости принятия этого законопроекта. Верховный Суд РФ также не поддержал данную инициативу, охарактеризовав ее как «излишнюю» и отметив, что исполнение п. 14 перечня поручений Президента РФ от 27 января 2022 г. ПР-189 представляется целесообразным посредством интерпретационной, а не законотворческой деятельности.

Материальное воплощение вышеприведенной идеи осуществилось 31 мая 2022 г. в рамках постановления Пленума Верховного Суда РФ № 11 «О внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2012 года № 19 “О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление”»¹. Казуальное толкование постаралось учесть концептуальный посыл указанных выше законопроектов, заключающийся в минимизации «обвинительного уклона» правосудия в отношении защищаемого. Вместе с тем обозначенные разъяснения не представляется возможным признать в качестве удачного и действенного средства повышения эффективности функционирования института самозащиты, поскольку сам контекст рассматриваемого документа ориентирует правоохранительные органы не столько на обеспечение государственных гарантий поддержки и защиты человека, отстоявшего собственный правовой статус, сколько на квалификацию его действий, повлекших причинение вреда нападавшему.

Председатель Следственного комитета РФ А. Бастрыкин констатирует, что без малого 100 % направляемых в суд обвинительных постановлений, оформляемых следователями, завершается обвинительными приговорами судов². Данный цифровой показатель публично ассоциируется с доказательством высокого качества работы судебно-следственных органов. В условиях, когда государству далеко не все удается в правозащитной области, возникает необходимость совершенствования механизмов реализации гарантий правового статуса человека, в том числе обеспечивающих должный уровень безопасности и защищенности в общественном сознании.

Проблема неоднозначного социально-правового восприятия, отношения и оценки базовых элементов института самозащиты в совокупности с общей несформи-

¹ Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2022. № 7. С. 1–2.

² См.: Бастрыкин рассказал о низком числе оправдательных приговоров и хорошей работе СК. Председатель Мосгорсуда ранее говорила об обратном. URL: <https://www.fontanka.ru/2019/03/01/079/> (дата обращения: 24.05.2022).

рованностью правовой культуры, обусловленной его функционированием, закономерно детерминировала противоречивость правоприменительной деятельности, порой не готовой и не способной даже к установлению факта наличия в том или ином деянии признаков самозащиты¹.

Конституция РФ закрепляет право каждого «защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом» (ст. 45). Вместе с тем судебная практика изобилует примерами того, как лица, отстаившие свою жизнь, здоровье, имущество, становились субъектами уголовной ответственности за превышение пределов необходимой обороны (ст. 114 УК РФ). Проведенный анализ свидетельствует, что при рассмотрении дел данной категории велика степень судебного усмотрения, когда внутреннее убеждение судьи в правомерности либо противоправности средств самозащиты становится главным основанием вынесения приговора. Малоэффективно (и в количественном, и в качественном измерении) действует самозащитный механизм во многих отраслях как публичного, так и частного права.

Проблематика правового института самозащиты обостряется в связи с тем, что немалое число граждан (и это показывают масштабные социологические исследования последнего десятилетия) не верит в способность государственных органов полноценно защитить их права и интересы. В этой связи они вынуждены прибегать к самозащите. Перед юридической наукой и практикой стоит задача не только убедительно обосновать законные пути самозащиты, но и уберечь граждан от незаконных акций. Государство не должно ограничивать это право, оставлять его на «периферии» социальной жизни.

Анализ российского законодательства свидетельствует о том, что в нем отсутствует унифицированное межотраслевое определение понятия самозащиты, не приводится в нем полный последовательно выстроенный перечень способов ее реализации. Данные обстоятельства затрудняют установление содержания указанного межотраслевого института и его последовательное, адекватное и единообразное функционирование.

¹ Данный тезис основан на анализе судебно-следственной практики, отраженном в основном тексте исследования и приложениях к диссертации, а также результатах социологического опроса в форме анкетирования (31 % опрошенных сотрудников правоохранительных органов затруднились с ответом на вопрос: «Относятся ли такие феномены, как «забастовка», «крайняя необходимость», «миграция», «митинг», «референдум» к институту правовой самозащиты?». При этом 28 % предоставили отрицательный ответ).

Существующая правовая неопределенность усугубляется тем, что нормы о самозащите рассредоточены по различным отраслям, элементы данного механизма не являются взаимодополняющими, а его содержание далеко от универсальности и системности. Актуальность проблематики обозначенного юридического института также отчетливо прослеживается на международном уровне в контексте права народа на самоопределение, восстания против публичной власти. В своем выступлении еще 16 ноября 2015 г. на Саммите G-20 в Анталье В. В. Путин заявил, что «...мы будем действовать в соответствии со ст. 51 Устава Организации Объединенных Наций, предусматривающей право государств на самооборону»¹.

Эскалация военно-политического кризиса на Донбассе, отказ Украины от выполнения Минских соглашений, направленных на мирное урегулирование конфликта, многочисленные нарушения прав и свобод мирных жителей, игнорирование норм международного права, молчаливое согласие ряда зарубежных стран и международных организаций закономерно детерминировали необходимость задействования института самозащиты посредством проведения специальной военной операции по демилитаризации и денацификации Украины.

Заместитель председателя Совета безопасности Российской Федерации Дмитрий Медведев в выступлении на Петербургском Международном юридическом форуме – 2022 подчеркнул, что введенные в обход ООН западные санкции являются примером деградации международного права. «Цель этих рестрикций, – полагает Д. А. Медведев, – причинить максимальный экономический вред самым широким слоям населения, и такие враждебные действия при определенных обстоятельствах могут быть квалифицированы как акт международной агрессии и даже как *casus belli* (формальный повод для начала войны), после чего у государства возникает право на индивидуальную и коллективную самооборону»².

Тему развил профессор международного права, член Комитета ООН против пыток, бывший судья международных трибуналов ООН по Руанде и Югославии

¹ *Никольский А., Козлов П.* Путин приказал найти и уничтожить террористов «вне зависимости от географии». URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2015/11/18/617290-a321-rossiya-otvetila> (дата обращения: 24.05.2022).

² Выступление Медведева Д. А. на X Петербургском Международном юридическом форуме – 2022 «Право на самооборону и защиту жилища: теория и правоприменение». URL: <https://legalforum.info/programme/business-programme/850/#broadcast> (дата обращения: 05.06.2022).

Бахтияр Тузмухамедов. Он напомнил, что Устав ООН признает неотъемлемое право на индивидуальную и коллективную самооборону, а если взглянуть на вопрос чуть шире, чем принято, то для реализации этого права государство не обязано дожидаться наступления катастрофических последствий нападения. «Если считать моментом начала нападения окончательное формирование источника угрозы, то воздействие на него может быть упреждающим», – доказывал профессор, подкрепляя свои выводы цитатами из Эмера де Ваттеля и Иммануила Канта¹.

Нельзя забывать, что совершенствование содержания и формы института юридически значимой самозащиты предполагает повышение правовой активности граждан и их законных объединений, что само по себе является позитивным в ракурсе решения общегосударственной задачи развития правосознания, правовой культуры.

Изложенные обстоятельства свидетельствуют об острой доктринальной потребности анализа феномена правового института самозащиты. Общетеоретическая разработка и более точное и полное закрепление его способствует объединению всех существующих способов самостоятельного обеспечения собственного правового положения и может выступить необходимой основой для формирования новых гарантий безопасности.

Степень научной разработанности темы исследования. Исследование категории «самозащита» с позиции философии, социологии, теории государства и права затрагивалось в диссертациях А. А. Газаевой, С. В. Горбачевой, Е. Б. Казаковой, М. Н. Мальцева, Д. В. Микшиса, А. Ю. Оробинского, М. В. Ручкиной, В. А. Усановой. В обозначенных сферах научного познания также следует отметить труды Г. П. Арефьева, Н. Байаржона, В. М. Баранова, П. П. Глущенко, Н. Г. Кадникова, В. А. Кувакина, В. А. Куца, Л. Н. Мелика, А. А. Налчаджяна, Р. А. Ромашова, И. В. Ростовщикова, С. А. Румянцева, Д. Форчуна, Н. М. Чепурновой, Н. И. Уздимаевой.

Отдельные вопросы несудебных форм защиты, самопомощи, самообороны, необходимой обороны рассматривались в работах дореволюционных ученых К. Н. Анненкова, Е. В. Васьковского, Н. П. Дювернуа, Д. И. Мейера, С. А. Муромцева, И. А. Покровского, В. И. Синайского, Г. Ф. Шершеневича.

¹ См.: *Корня А.* Западу пригрозили самообороной. Участники Петербургского форума обсудили юридическое будущее России // Коммерсантъ. 2022. 1 июля.

Вопросам самозащиты в гражданском праве посвящены диссертации С. Н. Веретенниковой, М. Ю. Гаранина, О. П. Зиновьевой, С. И. Лебедева, Э. Л. Страунинга, А. И. Пырха. Особого внимания в контексте данной отрасли науки также заслуживают работы Ю. Н. Андреева, Ю. Ф. Беспалова, В. П. Грибанова, А. А. Купцова, Д. В. Микшиса, А. А. Павлова, Г. А. Свердлыка, Н. В. Южанина.

В рамках уголовного права аспекты самозащиты рассматриваются в диссертациях А. А. Агаджаняна, Д. М. Васина, А. В. Зари, Е. В. Лукки, В. В. Меркурьева, Д. В. Перцева, Е. А. Русскевича, Е. Ю. Федосовой. Значительный вклад в научном освещении феномена необходимой обороны принадлежит исследованиям Е. А. Барановой, А. В. Вилковой, А. Ю. Головина, В. В. Колосовского, Д. А. Корецкого, С. В. Милюкова, В. В. Орехова, П. П. Пусторослева, А. С. Рабаданова, Г. С. Фельдштейна, М. А. Фомина, Т. Г. Черненко.

В трудовом праве проблемы самозащиты прав работников анализировали А. А. Андреев, Т. Ю. Барышникова, В. А. Болдырев, С. Ю. Головина, И. А. Грабовский, А. М. Касумов, Н. А. Князева, Т. А. Нестерова, С. П. Пазюк, М. В. Пресняков, В. А. Тарасова, О. Г. Фоменко, В. Р. Халиков, Ю. А. Хачатурян, А. Е. Цукарев, В. А. Чибисов, А. А. Шувалова, Н. Н. Яворчук, А. В. Яковлева.

В семейном праве отдельные аспекты самозащиты и защиты семейных прав стали предметом научного интереса Ю. Ф. Беспалова, М. А. Геворгян, А. А. Григорова, Е. А. Душкиной, Е. В. Каймаковой, Е. В. Некрасовой, А. М. Нечаевой, Н. И. Прокошкиной, Н. В. Рыжовой, Н. В. Трюфилькиной, А. В. Феоктистова, В. В. Шалонина, Э. Н. Яфизовой.

Вопросы самозащиты в международном праве отражены в исследованиях В. И. Антонова, В. В. Бойцовой, Н. Н. Бордюжа, В. А. Водяницкого, В. А. Карташкина, Д. И. Карпова, В. В. Красинского, С. И. Миронова, К. Л. Сазоновой, Э. М. Скакунова, И. З. Фархутдинова, Р. Р. Ханмурзиной, О. О. Хохлышевой, Г. В. Шармазанашвили.

Самостоятельного общетеоретического исследования современного правового института самозащиты до сих пор не проведено.

Предметом диссертационного исследования выступают институциональные основания и аспекты формирования и реализации естественного и неотъемлемого права на самозащиту.

Целью работы является научное обоснование необходимости и ценности обособленного рассмотрения самозащиты как относительно самостоятельного комплексного института, а также его общетеоретический анализ с привлечением практики функционирования «самозащитных норм» различных отраслей российского права и определением путей повышения эффективности в условиях демократизации гражданского общества в России.

Достижению поставленной цели способствовало решение следующих **основных задач**:

- выявлены существенные признаки правового института самозащиты, на основе которых предложена его авторская дефиниция;
- исследована структура института самозащиты по современному законодательству современной России;
- раскрыта функциональная характеристика института самозащиты в системе действующего отечественного правового регулирования;
- выявлены факторы, снижающие эффективность правового института самозащиты;
- проанализированы проблемы оптимизации процессуальных основ реализации института самозащиты по действующему законодательству России;
- определены основные материально-правовые, организационно-управленческие и морально-психологические средства повышения эффективности института самозащиты.

Научная новизна исследования заключается в формировании целостной междисциплинарной концепции правовой самозащиты, раскрывающей природу данного феномена как комплексного института в действующем законодательстве России и содержащей универсальные методологические выводы, которые могут быть использованы в дальнейших научных исследованиях, правотворчестве, интерпретационной и правоприменительной деятельности. Диссертация представляет собой первое общетеоретическое монографическое исследование феномена «самозащита» в качестве относительно самостоятельного правового института. Ранее исследователи лишь фиксировали факт существования такого рода правового института. В диссертации в качестве новеллы предлагается нормативная модель Кодекса Российской Федерации о самозащите, в котором раскрывается терминологический инструментарий, посвященный обес-

печению собственного правового положения, способам и механизму его правореализации, основам правовой оценки, отграничению от неправовых форм самозащиты, а также иных разновидностей девиантного поведения. Кроме того, соискатель обосновывает необходимость принятия проекта постановления Государственной Думы РФ, предусматривающего порядок реализации правовой самозащиты в различных отраслях отечественной юриспруденции. В диссертации предложен комплекс правотворческих и интерпретационных решений, направленных на совершенствование соответствующей правоприменительной деятельности.

Нововведения теоретического характера выражаются в институциональном изучении системообразующих элементов самозащиты. Проработаны универсальные характерные признаки и критерии правомерности действий, направленных на самостоятельное обеспечение собственного правового положения. Сформировано научно обоснованное толкование основных элементов, характеризующих обозначенное системное образование. Новизной отличается междисциплинарный анализ структуры данного института в современном отечественном правовом регулировании, а также существующих проблем его эффективности. Основными результатами научного поиска по данной проблематике являются выносимые на защиту выводы и положения, представляющие собой авторскую концепцию складывающейся теории юридически значимой самозащиты.

Эмпирической базой исследования являются следующие группы источников:

– материалы социологических исследований, анализирующих различные аспекты самообороны, протестных акций, политико-правовой активности граждан (ВЦИОМ, институт социологии РАН);

– данные судебной практики по делам, связанным с самозащитной деятельностью;

– стенограммы открытых заседаний рабочих групп ряда органов государственной и муниципальной власти, общественных объединений, политических партий при подготовке проектов законов, изменений нормативных правовых актов, посвященных проблемам анализируемого предмета;

– информация массмедиа, часто публикующих оперативные сведения о резонансных актах самозащиты граждан и институтов гражданского общества.

Всего в рамках эмпирического сопровождения было изучено 272 судебных решения по делам о самозащите в различных субъектах Российской Федерации (прило-

жение 1). По результатам исследования автором подготовлены аналитические обзоры соответствующей правоприменительной деятельности во Владимирской, Ивановской и Нижегородской областях за период с 2016 по 2021 г. (приложения 2–4). В тексте диссертации приводятся отдельные процессуальные решения и выводы, вытекающие из проанализированных данных. В работе продемонстрированы сводные статистические данные (приложение 5), а также результаты социологического исследования, проведенного с участием двух групп респондентов 200 сотрудников правоохранительных органов и 200 граждан, по отдельным вопросам правореализации института самозащиты (приложения 6–9).

Теоретическая значимость исследования определяется новаторским привлечением внимания юридической общественности к самозащите как относительно самостоятельному и малоизученному комплексному институту в общей теории права. Проведенное исследование способно дополнить отдельные разделы общей теории права о правоотношении, осуществлении и защите субъективных прав, правосознании, правовой культуре, правомерном поведении, юридической ответственности, механизме правового и социального регулирования.

Особая значимость работы заключается в том, что без специального детального изучения механизма правовой самозащиты невозможно успешно разработать актуальную концепцию о юридически значимой деятельности по самостоятельному обеспечению собственного правового статуса. В отсутствие теоретических знаний об институте самозащиты нельзя на надлежащем научном уровне вести речь о нормальном функционировании государственных гарантий защиты прав и свобод человека и гражданина.

Практическая значимость исследования выражается в том, что его результаты имеют перспективу применения фактически во всех сферах юридической деятельности:

- 1) законотворческой – при формировании конкретных инициатив по усовершенствованию законодательства различного уровня в области регламентации особенностей функционирования отдельных структурных элементов института самозащиты;
- 2) интерпретационной – при подготовке предложений по разъяснению и толкованию норм, составляющих институт самозащиты, в различных отраслях российского законодательства;

3) правоприменительной – при осуществлении производства по делам, сопряженным с реализацией механизма самостоятельного обеспечения собственного правового положения;

4) учебно-методической – при изучении учебной дисциплины «Теория государства и права», а также иных юридических курсов, предметов, факультативов, преподаваемых в образовательных организациях при подготовке специалистов соответствующего профиля;

5) научно-исследовательской – при дальнейшем изучении проблем функционирования института самозащиты.

Методология и методы исследования. Решение заявленных задач осуществлялось преимущественно посредством диалектического метода познания. Кроме этого, автор использовал всеобщие принципы научного поиска, основанные на всесторонности, объективности, историзме, а также единстве теории и практики. Во всех главах исследования в качестве общенаучных методов автор использует логический, анализ, синтез, описание, классификацию, индукцию и дедукцию. Историко-правовой и сравнительно-правовой методы находят свое отражение в первой главе. При подготовке второго раздела диссертационного исследования активно использовались функциональный и системно-структурный методы. В качестве специальных методов следует отметить статистический при изучении следственно-судебной практики, связанной с правовым институтом самозащиты. Социологический метод находит свое отражение в опросе в виде анкетирования граждан и сотрудников правоохранительных органов по проблемным аспектам изучаемого правового феномена. Метод моделирования отчетливо прослеживается в предложениях автора по проблемам оптимизации процессуальных основ реализации института самозащиты по действующему отечественному законодательству. В диссертации использовалась также социологическая информация ведущих аналитических центров статистики.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Правовой институт самозащиты – крупная комплексная нормативная общность, представленная совокупностью внутригосударственных и международных юридических установлений, формальных и неформальных регуляторов, предназначенных для обеспечения неприкосновенности и защищенности правового положения субъектов общественных отношений посредством осуществления односторонней ле-

гитимной деятельности, направленной на самостоятельную защиту собственных прав, свобод и законных интересов.

2. Система института самозащиты представляет собой сложный межотраслевой комплекс правовых институтов, выступающих по отношению к исследуемому феномену субинститутами, а также охранительных и регулятивных норм, как правило, демонстрирующих управомочивающую форму предписываемого поведения, в отдельных случаях – обязывающую и запрещающую, функционирование которых обеспечивает реализацию конституционных и международных гарантий правового положения субъектов общественных отношений благодаря признанию легитимности самостоятельного противодействия нарушению собственных прав, свобод и законных интересов.

3. Структура правового института самозащиты в действующем отечественном законодательстве раскрывается через управомочивающие нормы, единство и внутренняя взаимосвязь которых отчетливо прослеживаются с помощью их дифференциации в зависимости от форм проявления самозащитной деятельности.

– «самодостаточная самозащита» – деяния, выражающиеся в самостоятельном обеспечении стабильности своего правового положения, совершаемые как в индивидуальном порядке, так и в составе коллектива как единого субъекта самозащиты. Включает в себя три относительно самостоятельные разновидности: «фактическая самозащита» – реализуется, как правило, в отношении абсолютных прав посредством непосредственного противодействия источнику опасности для собственных прав, свобод и законных интересов; «санкционная самозащита» – реализуется, как правило, в отношении относительных прав посредством возложения на нарушителя обязанности удовлетворить интересы управомоченного лица; «делегированная самозащита» – осуществляется специально уполномоченными субъектами в отношении лиц, полностью или частично неспособных самостоятельно обеспечить собственное правовое положение;

– «истребованная самозащита» – обращения (предложения, заявления, жалобы) к иным субъектам общественных отношений (органам государственной власти, институтам гражданского общества, международным организациям и другим) в целях получения содействия в вопросе защиты своих прав, свобод и законных интересов;

– «смешанная самозащита» – независимая односторонняя деятельность, выражающаяся в самостоятельном обеспечении стабильности своего правового положения, осуществляемая одновременно и/или в совокупности с иными способами защиты.

4. К основным функциям института правовой самозащиты относятся: охранительная (реализуемая в рамках четырех относительно самостоятельных направлений – пресекательное, восстановительное, компенсационное, обеспечительное), предупредительная, принудительная, действенного и своевременного правового реагирования, регулятивная, воспитательная, координационная, содействия правоохранительной деятельности, демократизации механизма реализации государственных гарантий обеспечения правового положения человека, процессуальной экономии, ограничительная.

5. Факторами, снижающими эффективность комплексного института самозащиты, являются:

- злоупотребления правом на самозащиту;
- правореализационные риски наступления неблагоприятных последствий фактического и юридического характера;
- социальный самозащитный инфантилизм;
- неправовые и мнимые проявления самозащитной деятельности;
- отсутствие юридического механизма, обязывающего государственные органы реагировать на факты неправовой самозащитной деятельности;
- пробельность правового механизма реализации самозащиты;
- конфликты частноправовых и публично-правовых самозащитных интересов;
- условный характер гарантий поддержки легитимной самозащитной деятельности;
- несформированность правовой культуры самозащиты;
- гражданская самозащитная пассивность;
- манипуляции коллективной самозащитой.

6. Пути повышения эффективности комплексного правового института самозащиты в современной России:

- разработка и утверждение Указом Президента РФ Концепции формирования правовых основ и механизма реализации самозащиты в Российской Федерации;

- закрепление конституционной гарантии правомерности самозащиты при наличии в деле объективных неразрешимых противоречий и сомнений, а также неясности законодательства;
- устранение дефектов действующего законодательства и иных нормативных правовых актов, касающихся некорректной интерпретации отдельных элементов института самозащиты;
- гуманизация государственной политики в отношении юридически значимой самозащиты;
- расширение законных средств и способов самостоятельной защиты собственных прав, свобод и законных интересов;
- нормативное регулирование действий, направленных на самостоятельное обеспечение собственного правового положения в состоянии мнимой обороны;
- установление адекватной соразмерной юридической ответственности работодателя за препятствование работникам в осуществлении самозащиты;
- регламентация юридического механизма, обязывающего государственные органы реагировать на факты неправомерной самозащитной деятельности;
- нормативное ограничение неправомерной самозащиты, в том числе лжесвидетельствования и иных способов активного воспрепятствования правосудию со стороны виновного лица.

7. В целях оптимизации функционирования института правовой самозащиты разработаны и предложены проекты Общей части «Кодекса Российской Федерации о самозащите» и постановления Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации «О порядке применения законодательства Российской Федерации о самозащите». В диссертации обосновывается необходимость содержательной корректировки:

- ст. 45 Конституции РФ;
- ч. 1 ст. 37 УК РФ «Необходимая оборона», ст. 37¹ УК РФ «Мнимая оборона» и ст. 63 УК РФ «Обстоятельства, отягчающие наказание»;
- ст. 12 ГК РФ «Способы защиты гражданских прав» и ст. 14 ГК РФ «Самозащита гражданских прав»;
- ст. 379 ТК РФ «Формы самозащиты» и ч. 2 ст. 380 ТК РФ «Обязанность работодателя не препятствовать работникам в осуществлении самозащиты»;

– ст. 5.32.1 КоАП РФ «Препятствование работникам в осуществлении ими самозащиты трудовых прав»;

– ст. 24 Федерального закона «Об оружии».

В тексте автореферата (пятая глава) приводятся обновленные редакции вышеперечисленных законодательных установлений.

Степень достоверности и апробация результатов исследования. Основные теоретические положения и предложения по совершенствованию отечественного законодательства, а также правоприменительной практики неоднократно обсуждались на кафедре теории и истории государства и права Нижегородской академии МВД России, докладывались автором на трех международных форумах «Юртехнетика» (25–28 сентября 2019 г. «Система принципов российского законодательства: техника закрепления, интерпретации, реализации»); 24–26 сентября 2020 г. «Юридические инновации (доктрина, практика, техника)»; 22–25 сентября 2021 г. «Правотворческая экспертология (доктрина, практика, техника)»).

Результаты, полученные в ходе подготовки диссертационного исследования, внедрены в учебный процесс Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (акт внедрения от 1 июня 2022 г.), Нижегородской академии МВД России (акт внедрения от 25 июня 2022 г.), Приволжского филиала Российского государственного университета правосудия (акт внедрения от 1 июля 2022 г.), а также нашли отражение в монографии и 14 научных статьях, семь из которых опубликованы в изданиях, рекомендованных ВАК при Минобрнауки России (общим объемом 11,69 п. л.).

Структура диссертации обусловлена предметом, целями и задачами исследования и состоит из введения, двух разделов, содержащих шесть глав, заключения, списка сокращений и условных обозначений, списка литературы (содержит 869 источников, 104 из которых на иностранных языках) и одиннадцати приложений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается и раскрывается актуальность диссертационного исследования, продемонстрированы степень научной разработанности заявленной темы, предмет, цель и задачи исследования, научная новизна, эмпирическая база, тео-

ретическая и практическая значимость, методология и методы исследования, основные положения, выносимые на защиту, степень достоверности и обоснованности результатов исследования, сведения об их апробации и структуре работы.

Первый раздел «Общая характеристика института самозащиты по действующему законодательству России» включает в себя три главы.

Первая глава «Понятие института самозащиты по действующему законодательству России» содержит межотраслевую характеристику актуальных аспектов исследуемого феномена, раскрывает его юридическую природу, фундаментальные признаки и критерии правомерности, с учетом которых выявлены перспективные методологические и мировоззренческие подходы для дальнейшего познания.

Определены и проанализированы сущностные и содержательные конструктивные элементы самозащиты как относительно самостоятельной юридической категории. Выявлены и охарактеризованы фундаментальные признаки, устанавливающие императивный порядок квалификации деяний в качестве самозащитных, характерные черты, демонстрирующие ее общеправовой потенциал и взаимосвязь с иными структурными элементами правовой системы, а также критерии правомерности, ограничивающие самозащиту от запрещенного законом поведения.

Предложено авторское определение рассматриваемого феномена – самостоятельная односторонняя деятельность субъектов общественных отношений, установивших факт нарушения собственных прав, свобод и законных интересов либо угрозу такого нарушения, направленная на легитимное обеспечение стабильности своего правового положения, в том числе благодаря его возвращению в состояние, существовавшее до указанного нарушения.

Разработана классификация субъектов самозащитной деятельности:

- простой (конкретное физическое лицо);
- сложный (юридическое лицо, государство, его субъекты, муниципальные образования, международная организация);
- коллективный (включает в себя два и более простых или сложных субъектов, объединённых общим источником опасности, непосредственно посягающим или представляющим угрозу для каждого из них как в совокупности, так и по отдельности).

Исследование основополагающих признаков и характерных черт общетеоретической категории «правовой институт» обеспечило методологически обоснованную

возможность сформировать авторское определение данного феномена. Обнародованные доктринальные позиции, а также результаты проведенного анкетирования сотрудников правоохранительных органов свидетельствуют о поддержке концептуальной идеи об институциональном статусе самозащиты (61 % респондентов). В то же время к исследуемой категории при любых доктринальных оговорках, основаниях и мотивах не относятся агрессивные, радикальные формы протестов, деструктивные действия по блокировке коммуникаций, «мирные захваты» городского пространства, акты самосожжения и тому подобное девиантное поведение. Такого плана деяния – антиправовая мнимая «самозащита», вызывающая неблагоприятные юридические последствия.

Во второй главе «Структура института самозащиты по действующему законодательству современной России» рассмотрены роль и место самостоятельного обеспечения собственного правового положения в отечественном нормативном регулировании, обозначены основные разновидности данного феномена, а также продемонстрирована взаимосвязь между его отдельными элементами в рамках различных отраслей права.

Наличие определенных технических, интерпретационных и иных проблем, влияющих на функционирование института самозащиты как одного из основополагающих механизмов реализации государственных гарантий основных прав, свобод и законных интересов человека и гражданина, не является достаточным основанием для определения его структуры через совокупность хаотичных элементов, поскольку естественная природа происхождения, уровень распространения и влияния в действующем правовом поле придают данному феномену системный характер с присущими ему признаками сущностного единства и содержательной согласованности, элементами централизации, а также руководящими принципами и критериями правомерности.

Структура комплексного института самозащиты в отечественном законодательстве представлена сложной межотраслевой системой, элементами которой являются относительно самостоятельные отраслевые институты, выступающие по отношению к исследуемому феномену субинститутами, а также охранительные и регулятивные нормы, как правило, демонстрирующие управомочивающую форму предписываемого поведения, в отдельных случаях – обязывающую и запрещающую. Поли-

структурный характер институту самозащиты придают нормы-принципы, одновременно олицетворяющие элемент управления и «цементирующий» фактор.

Институт самозащиты, согласно действующему отечественному нормативному регулированию, характеризуется универсальным субъектом, находящемся под юрисдикцией Российской Федерации, уполномоченным самостоятельно обеспечивать собственное правовое положение независимо от своих юридических, социальных и иных индивидуальных признаков (гражданство, раса, национальность, политические, идеологические, религиозные убеждения), если иное не предусмотрено федеральным законодательством.

В качестве управляющей единицы, регулятивного центра в структуре института правовой самозащиты выделяются нормы-принципы, фактически составляющие относительно самостоятельную подсистему из трех блоков:

– *общие* – распространяются на всю систему и одновременно характеризуют ее в целом (государственное признание ее правомерности, безусловность, законность, добровольность, обоснованность, равноправие);

– *межотраслевые* – обладают особенностями, присущими нескольким разновидностям в рамках отдельных отраслей законодательства (соразмерность, присущая административно-, гражданско-, уголовно-правовой самозащите);

– *отраслевые* – функционируют в определенной сфере общественных отношений (беспрепятственность самозащиты трудовых прав).

Показателями сформированности и полноценности отдельного отраслевого института – субинститута самозащиты в современной правовой системе выступают: наличие в его структуре не только общих охранительных и регулятивных норм управомочивающего, обязывающего или запрещающего характера, делегирующих человеку определенные полномочия по обеспечению собственного правового положения, но и специализированных норм-принципов, -дефиниций и -целей, закрепляющих концептуальные основы и функциональные ограничения механизма самозащитной деятельности, а также относительная обособленность, заключающаяся в том, что в законодательном акте, регламентирующем соответствующую разновидность исследуемого феномена, имеется самостоятельное структурное образование – раздел или глава.

В третьей главе «Функциональная характеристика института самозащиты по действующему законодательству России» рассматривается вопрос о спе-

цифических направлениях правового воздействия элементов института самозащиты, его социальной полезности как целостного образования в диалектическом соотношении с функциями права.

Функции исследуемого феномена определены как основные направления воздействия самозащитной деятельности на регулируемые и охраняемые правом общественные отношения, заключающиеся в самостоятельном обеспечении собственного правового положения.

Фундаментальной составляющей комплексного института самозащиты закономерно выступает *охранительная функция*. Данное предназначение проявляется только при наличии опасности для конкретных прав, свобод и законных интересов человека и выражается посредством реализации определенных мер противодействия: пресекательных, восстановительных, компенсационных, обеспечительных.

Конкретные нормы, регламентирующие самозащитную деятельность, нередко предполагают либо непосредственно предусматривают причинение вреда/ущерба, взыскание неустойки, убытков, компенсации конкретных неблагоприятных последствий, изменение правоотношений, наложение обременений, истребование сатисфакции и иных действий от правонарушителя в целях обеспечения стабильности собственного правового положения. Неразрывную взаимосвязь охранительного и карательного воздействия представляется возможным определить в качестве *принудительной функции*, в большей степени раскрывающейся в рамках обеспечения неотвратимости ответственности правонарушителя.

Воспитательная функция института самозащиты препятствует развитию нигилизма, прогрессирующему на фоне глобальной цифровизации, способствующей внедрению в общественное сознание ложных ценностей, основанных на вседозволенности и безнаказанности. Дуализм рассматриваемой функции проявляется в ее воздействии на правосознание обоих субъектов «конфликтных» общественных отношений. По отношению к потерпевшему это проявляется за счет формирования готовности самостоятельно обеспечить собственное правовое положение и уверенности в государственной поддержке данной деятельности, что способствует нейтрализации правовой пассивности и виктимности граждан.

Функция действенного и своевременного правового реагирования института самозащиты состоит в обеспечении незамедлительности, быстроты и эффективности

реализации конституционных гарантий реализации прав, свобод и законных интересов человека, в особенности по сравнению с юрисдикционными формами защиты.

Регулятивно-статическая функция устанавливает не только целый ряд руководящих начал подобной деятельности, но и способствует конкретизации ее отдельных способов, которые находят детальное отражение в отраслевом законодательстве. На уровне внутренней структуры устанавливаются основания и пределы осуществления конкретных самозащитных действий, тем самым происходит их упорядочивание и государственное содействие такому поведению.

Регулятивно-динамическая функция позволяет проследить взаимосвязь между отдельными элементами института самозащиты, в том числе в выборе конкретных ответных действий, определении их временных, силовых и других границ допустимости, возможности сопряжения с юрисдикционными механизмами государственной защиты.

Координационная функция состоит в том, что благодаря нормам, составляющим институт самозащиты, обеспечивается оптимизация процесса реализации государственных гарантий прав, свобод и законных интересов человека, наиболее совершенная форма которого представляет собой непрерывное планомерное функционирование механизмов самозащитной и правоохранительной деятельности, последовательно взаимодополняющих друг друга.

Функция содействия правоохранительной деятельности в узком смысле определяется в качестве обеспечения законности и правопорядка, противодействия противоправному поведению с целью охраны правового статуса человека и гражданина, общества и государства. Фактическое проявление возможных форм содействия может выражаться в непосредственном предупреждении и пресечении правонарушений, информировании правоохранительных органов о совершенном в отношении себя посягательстве, предоставлении прямых либо косвенных доказательств.

Функция демократизации механизма реализации государственных гарантий обеспечения правового положения предполагает ориентацию всех вовлеченных в самозащитный процесс на личность как на самостоятельный и полноценный субъект защиты соответствующих прав, свобод и законных интересов. Интеграция частных (индивидуальных и коллективных) направлений воздействия на общественные отношения и существенное усиление роли человека в данном процессе осуществляется

благодаря делегированию ему целой совокупности правомочий (порой различных по своему фактическому и юридическому характеру и последствиям осуществления) тождественно одобряемых и поощряемых государством независимо от их выбора в конкретной ситуации, если это не превышает установленные законом рамки допустимого поведения.

Функция процессуальной экономии выражается в сбережении времени, облегчении труда и уменьшении расходов. Гражданская самозащита выступает оптимальным механизмом реализации обозначенного направления, в том числе за счет предотвращения либо упрощения соответствующих правоохранительных процедур, минимизации волокиты и порождающих ее формализма и бюрократизма, что является важным условием демократизма в ходе реализации государственных гарантий защиты прав, свобод и законных интересов человека.

Ограничительная функция исследуемого комплексного правового института состоит в ориентировании субъекта, осуществляющего самозащитную деятельность, на правомерное поведение за счет регламентации определенных рамок и критериев, проводящих «разделительную черту» между мерами защиты и запрещенными законом деяниями.

Второй раздел «Эффективность реализации института самозащиты по действующему законодательству России» включает в себя три главы.

Четвертая глава «Факторы, снижающие эффективность института самозащиты по действующему законодательству России» демонстрирует социально-правовые, материально-организационные проблемы и недостатки, выступающие сдерживающим элементом для исследуемого феномена.

Эффективность комплексного института самозащиты в равной мере определяется законодательной, правоприменительной и интерпретационной деятельностью, согласованность которых призвана обеспечить не только фактическое отстаивание собственных прав, свобод и законных интересов, но и минимизацию неблагоприятных последствий для всех сторон «конфликтных» общественных отношений и третьих лиц, а также адекватную юридическую оценку произошедших событий, предотвратив тем самым эскалацию социальной напряженности и нежелательный общественный резонанс.

Данный показатель в контексте предмета исследования установлен в качестве свойства, определяемого совокупностью содержательных характеристик общественных отношений, складывающихся в связи с необходимостью осуществления самозащитной деятельности и ее социально-правовой оценки, раскрывающихся в рамках способности своевременно, оперативно, рационально и правомерно использовать собственные силы и средства для обеспечения стабильности своего правового положения при минимальных рисках наступления неблагоприятных последствий.

Фактором, имеющим существенное негативное влияние в данном контексте, являются *широкие возможности по злоупотреблению правом*, кардинально деформирующему природу самозащитной деятельности на противоправное поведение. Обозначенный дефект лишь способствует укоренению уже устоявшегося обвинительного уклона¹ в отечественном судопроизводстве, который наряду с этим детерминирует еще одно обстоятельство, снижающее эффективность исследуемого феномена, а именно *правореализационные риски, выражающиеся в совокупности неблагоприятных последствий фактического и юридического характера*. Причиной этому выступают разночтения в толковании отдельных технико-юридических категорий, используемых при регламентации исследуемого института в конкретных отраслях законодательства.

Одним из факторов, негативно влияющих на исследуемый комплексный институт, выступает *социальный инфантилизм*, не позволяющий рационально оценивать правовой статус личности и учитывать особенности его реализации в различных общественных отношениях, смешивающий правомерную самозащиту и неправомерное поведение, порой выходящее фактически за все разумные пределы. Снижение эффективности рассматриваемого комплексного института в значительной степени осуществляется благодаря *неправовым и мнимым проявлениям самоза-*

¹ Количество оправдательных приговоров, выносимых судами общей юрисдикции по первой инстанции, находится где-то в области статистической погрешности, что следует из официальной статистической информации (приложение 5), а также подтверждается наблюдениями других правоведов. См. напр.: *Медведева С. В., Ментюкова М. А., Попов А. М.* Обвинительный уклон в уголовном процессе: проблемы правоприменения // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 3. С. 137–141. Кроме того, в рамках данного исследования также осуществлен аналитический обзор судебной практики по делам о самозащите, результаты которого также свидетельствуют о наличии если не закономерности, то как минимум устойчивой тенденции к осуждению лиц, осуществивших необходимую оборону (приложения 2–4).

щитной деятельности, обесценивающим его функциональное предназначение за счет самостоятельного воспрепятствования гарантиям реализации собственного правового положения.

Еще одним фактором, препятствующим нормальному функционированию исследуемого института, является *противоречие частного и публичного права, детерминирующее конфликт противоположных самозащитных интересов*. Яркой иллюстрацией этого тезиса выступает ситуация с распространением новой коронавирусной инфекции COVID-19 в России в 2020 г. в контексте формирования коллективного иммунитета. В частности, по состоянию на май 2022 г., показатель вакцинации, олицетворяющий противоборство сторон и результативность самостоятельного отстаивания собственных прав, составил 41,2 %¹.

В развитии обозначенной проблематики раскрывается еще один аспект, обесценивающий исследуемый комплексный феномен, а именно *условный характер гарантий поддержки легитимной самозащитной деятельности*, в особенности касающейся сопротивления произволу со стороны представителей власти. Отсутствие нормативного указания на существование данного правомочия, его официального разъяснения в совокупности с абсолютно неравным положением противоборствующих сторон влекут не только несоблюдение соответствующих гарантий, но и практически нивелируют готовность к самозащите еще на моральном уровне: ей придается негативный окрас, она ассоциируется с неповиновением, бунтом, нарушением закона и иными нарушениями, влекущими негативные последствия для ее инициаторов.

Есть резон отметить еще два взаимосвязанных фактора, существенно снижающих эффективность рассматриваемого феномена, один из которых – *несформированность правовой культуры самозащиты*, влекущая ее отождествление с девиантным поведением. С точки зрения работодателей, подобная инициатива со стороны работников в большей степени носит негативный оппозиционный и, скорее, вредоносный, чем положительный правозащитный характер. Следствием этого закономерно выступает второй фактор – *гражданская пассивность*, выражающаяся в стремлении к компромиссам и бесконфликтным формам урегулирования разногласий, отказе от само-

¹ Михальчевский К. Коллективный иммунитет к COVID-19 в России составляет 41,2 процента. URL: <https://ria.ru/20220506/immunitet-1787210593.html> (дата обращения: 22.03.2022).

защиты, что фактически способствует укреплению виктимного поведения в современном гражданском обществе, а также росту вседозволенности и безнаказанности¹.

Крайне негативное влияние на функционирование исследуемого института оказывают *факты манипуляции коллективной самозащитой*, основанные на использовании в противоправных целях чувства социальной справедливости и гражданского долга. Под «маской» самозащитной мотивации и демонстративного отстаивания собственных прав нередко сокрыты корыстные и иные низменные намерения организаторов, руководителей и активных участников соответствующих антисоциальных акций.

В пятой главе «Основные материально-правовые, организационно-управленческие и морально-психологические средства повышения эффективности института самозащиты по действующему законодательству России» представлены конкретные предложения по преодолению обозначенных выше препятствий и дефектов функционирования института самозащиты.

Фундаментальным направлением совершенствования выступает *разработка и утверждение Указом Президента РФ Концепции формирования правовых основ и механизма реализации самозащиты в Российской Федерации*. Первоочередной задачей этого документа выступает закрепление и определение терминологического аппарата, обусловленного самозащитной деятельностью, в том числе классификации основных ее разновидностей, что способствует систематизации и унификации правоприменительной практики, а также минимизации ошибок квалификации, вызванных неверным восприятием и толкованием правовой активности субъекта, связанной с самостоятельной защитой собственных прав, свобод и законных интересов. Кроме того, следует установить точные основания реализации указанных полномочий, руководящие начала процедуры их осуществления и процесса оценки.

В связи с имеющимися в юридической доктрине радикальными предложениями по разработке и принятию новой Конституции РФ² представляется методологически и организационно оправданным предложение менее кардинального, но достаточно

¹ Результаты проведенного в рамках диссертационного исследования социологического опроса демонстрируют низкие показатели готовности граждан, в том числе сотрудников правоохранительных органов, к осуществлению самозащиты – более 50 % опрошенных даже в ситуации, связанной с опасностью для собственных жизни и здоровья, придерживаются рискованных и малоэффективных способов самозащиты либо затрудняются с их выбором.

² *Клеандров М. И.* О неизбежности разработки и принятия новой Конституции Российской Федерации и что в ней должно быть // Государство и право. 2022. № 1. С. 7–18.

перспективного средства повышения эффективности функционирования института самозащиты – закрепить в ст. 45 Основного закона следующее руководящее начало: «Все объективно неразрешимые противоречия и сомнения о правомерности самостоятельной защиты своих прав и свобод, а также неясности законодательства, возникающие в связи с осуществлением самозащиты, трактуются в пользу защищающегося».

Материально-правовым развитием данного направления выступает *устранение дефектов действующего законодательства и иных нормативных правовых актов, касающихся некорректной интерпретации института самозащиты*. Первоочередное значение придается наиболее социально «чувствительному» проявлению данного феномена, находящему свое отражение в ч. 1 ст. 37 УК РФ «Необходимая оборона»:

«Не является преступлением действие, совершенное в целях защиты прав и свобод человека и гражданина, охраняемых законом интересов общества или государства от общественно опасного посягательства, влекущее причинение вреда посягающему лицу, если это посягательство было сопряжено с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия».

Выдвигаемая соискателем корректировка ее действующей редакции посвящена устранению некорректных технико-юридических конструкций, акцентировавших юридическую оценку соразмерности самозащиты на тяжесть наступивших последствий, что не только противоестественно и противоречит формальной логике, но и не соответствует единству законодательного подхода к формированию соответствующих нормативных предписаний.

Обоснована необходимость введения в УК РФ ст. 37¹ «Мнимая оборона» в следующей редакции:

«Часть 1. Не является преступлением действие, совершенное в целях защиты прав и свобод человека и гражданина, охраняемых законом интересов общества или государства от мнимого посягательства, если при этом не было допущено превышения мер, допустимых в условиях соответствующего реального посягательства.

Часть 2. Мнимая оборона – состояние, при котором лицо добросовестно заблуждается о наличии реального общественно опасного посягательства, то есть лицо не осознавало и по объективным обстоятельствам дела не должно было и не могло осознавать отсутствие этого посягательства.

Часть 3. Ответственность за превышение мер мнимой обороны, допустимых в условиях соответствующего реального посягательства, наступает с учетом требований статьи 37 настоящего Кодекса.

Часть 4. Если лицо не осознавало, но по обстоятельствам дела должно было и могло осознавать отсутствие реального общественно опасного посягательства, то его действия подлежат квалификации по статьям настоящего Кодекса, предусматривающим ответственность за преступления, совершенные по неосторожности.

Часть 5. Если лицо сознательно допускает возможность причинения вреда человеку, не совершающему общественно опасного посягательства, его действия квалифицируются с учетом требований статьи 41 настоящего Кодекса».

Предложено внесение дополнений в ст. 63 УК РФ «Обстоятельства, отягчающие наказание»:

«Часть 1.2. Судья (суд), назначающий наказание, в зависимости от характера и степени общественной опасности преступления, личности виновного может признать отягчающим обстоятельством дачу заведомо ложных показаний или иное активное препятствование раскрытию и расследованию преступления, изобличению и уголовному преследованию других соучастников преступления, розыску имущества, добытого в результате преступления, осуществленное в суде либо в ходе досудебного производства».

Аргументирована потребность исключения категории «самозащита» из ст. 12 ГК РФ «Способы защиты гражданских прав»: целесообразнее внести корреспондирующие изменения в ст. 14 ГК РФ «Самозащита гражданских прав»:

«Часть 1. Допускается самозащита гражданских прав.

Часть 2. Самозащита гражданских прав возможна только при наличии в совокупности трех условий: нарушения права или возможности его нарушения, необходимости пресечения нарушения и применения мер, соответствующих характеру и содержанию правонарушения.

Часть 3. Самозащита гражданских прав осуществляется путем:

- восстановления положения, существовавшего до нарушения права;
- пресечения действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения;
- прекращения или изменения правоотношения;

- возмещения убытков;
- взыскания неустойки;
- компенсации морального вреда;
- иными способами, предусмотренными законом.

Часть 4. Способы самозащиты должны быть соразмерны нарушению и не выходить за пределы действий, необходимых для его пресечения.

Часть 5. Не являются противоправными действия лица, которое в целях самозащиты удерживает, изымает, повреждает или уничтожает чужое имущество, либо с той же целью задерживает обязанное лицо, которое могло бы скрыться, для привода в компетентный орган, либо преодолевает сопротивление лица, обязанного выполнить установленные законом или договором требования в случае, когда без незамедлительного вмешательства имеется угроза того, что осуществление права станет невозможным или существенно затруднится».

Обоснована необходимость использования исчерпывающего перечня оснований отказа от выполнения работы, закрепленных в ст. 379 ТК РФ «Формы самозащиты». Определены направления по устранению правового пробела, связанного с фактическим отсутствием возможности привлечения работодателя к должной юридической ответственности за препятствование самозащите работников, а именно сформирована ч. 2 ст. 380 ТК РФ «Обязанность работодателя не препятствовать работникам в осуществлении самозащиты»:

«Лица, виновные в нарушении положений части 1 настоящей статьи, привлекаются к дисциплинарной и материальной ответственности в порядке, установленном настоящим Кодексом и иными федеральными законами, а также привлекаются к гражданско-правовой и административной ответственности в порядке, установленном федеральными законами».

Закономерным обеспечением приведенного выше предписания является введение в КоАП РФ ст. 5.32.1 «Препятствование работникам в осуществлении ими самозащиты трудовых прав»:

«Препятствование работодателя или его представителя самозащите трудовых прав работников –

влечет наложение административного штрафа в размере от четырех тысяч до пяти тысяч рублей».

Предлагается внести дополнение в первый абзац ст. 24 Федерального закона от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ «Об оружии»: «Оружие самообороны может применяться гражданами также в случаях незаконного проникновения в жилище против воли проживающего в нем лица, не сопряженного с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия, умышленного или неосторожного уничтожения или повреждения чужого имущества, приведения в негодность объектов жизнеобеспечения, транспортных средств или путей сообщения».

В шестой главе «Проблемы оптимизации процессуальных основ реализации института самозащиты по действующему законодательству России» раскрывается система процедурных средств, направленных на совершенствование содержания и формы самостоятельного обеспечения собственного правового положения, процедуры его официальной юридической оценки, нередко сопровождающейся изданием соответствующего правоприменительного акта в целях повышения социально-активного и полезного поведения субъектов общественных отношений.

Анализ судебной практики продемонстрировал, что соотношение обвинительных и оправдательных приговоров по уголовным делам, связанным с самозащитой, составляет 20 к 1, тогда как по гражданским делам подобного дисбаланса не наблюдается – более чем в 60 % случаев самостоятельные действия по обеспечению собственного правового положения признаются правомерными. Детерминанты данной проблемы в значительной степени определяются именно правоприменительным характером, представители правоохранительных органов, чьей основной задачей выступает охрана таких фундаментальных благ, как жизнь и здоровье человека, зачастую оказываются неспособными адаптировать свое правосознание в части допустимости и законности нарушения этих прав, в особенности, если это сопряжено с тяжким вредом здоровью или смертью, на которые законодатель и Верховный Суд РФ неудачным образом акцентировали внимание, говоря о соразмерности. В итоге граждане вынуждены сталкиваться с необоснованным возбуждением уголовных дел и неверной правовой оценкой механизма самозащиты.

В целях оптимизации процессуальных основ реализации института самозащиты по действующему законодательству России необходима разработка и принятие интерпретационного акта, разъясняющего специфику функционирования соответ-

ствующего механизма. Сведение к минимуму судебных ошибок по делам о самостоятельном обеспечении собственного правового положения, а также достижение единства судебной практики во имя соблюдения законности и защиты конституционных прав и свобод личности может быть обеспечено посредством разработки и принятия постановления Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации «О порядке применения законодательства Российской Федерации о самозащите».

Указанные в тексте диссертации законодательные, правоприменительные и доктринальные упущения обуславливают необходимость разработки Кодекса РФ о самозащите, способного выступить действенным катализатором оптимизации функционирования соответствующего института. Данная идея заслуживает своей поддержки еще и по той причине, что регулирование отношений, связанных с реализацией прав человека на защиту своих прав, свобод и законных интересов всеми способами, не запрещенными законом, посредством не только отдельных отраслевых норм, но и с помощью специального федерального закона, является наивысшей государственной гарантией.

С. В. Липень не без оснований подчеркивает, что «теория кодификации должна быть соединена с теорией правотворчества и составить ее основную, главную, принципиальную часть»¹. Полагаем, что кодификация есть часть, ядро и стержень юридической практики. Практика кодификации знает немало неразвернутых по своему содержанию кодексов: количество (объем) нормативного материала не может быть решающим критерием этого вида упорядочения законодательства. Кодификация на уровне правового института вполне нормальна, допустима, правомерна. Массив юридических норм о самозащите – убедительное тому свидетельство.

Общая часть Кодекса должна быть посвящена нормативному описанию понятийного аппарата, используемого в законе для регламентации самозащитной деятельности; целям и основным задачам правового регулирования; принципам, на которых строится одобряемая государством самозащита; сфере применения и взаимодействию с нормами других отраслей российского и международного права; субъектам самозащиты; системе общественного и государственного контроля в соответствующей сфере правоотношений.

¹ Липень С. В. Трансформация теории систематизации законодательства в эпоху цифровизации права // Lex russica. 2022. Т. 75. № 2. С. 139.

Как еще в 2011 г. отмечала Н. И. Уздимаева: «Во всем этом массиве действующих законов отсутствует четкое определение правовой самозащиты»¹. Указанное обстоятельство подтверждает практическую значимость предлагаемой нами идеи, поскольку только кодифицированный нормативный акт сможет должным образом сформировать необходимый терминологический аппарат, раскрывающий сущность самозащитной деятельности, а также образовать устойчивую внутреннюю институциональную взаимосвязь в системе отечественного законодательства по вопросу ее осуществления.

В Особенной части желательно детально раскрыть отдельные формы исследуемого феномена, установить гарантии, условия и пределы осуществления самозащиты, а также ответственность за их превышение, регламентировать процедуру осуществления их юридической оценки.

Предлагаемый нормативный акт призван сократить разрыв в понимании и отношении к рассматриваемому явлению в сознании представителей власти и народа, работодателей и работников. Центральным звеном здесь выступает формирование концепции, доступно отражающей условия и пределы реализации соответствующего права, независимо от сферы общественных отношений, в которых оно будет применено.

В заключении подчеркивается общетеоретическая значимость проведенного исследования, которое отличается неординарным подходом к рассмотрению самозащиты через призму комплексного правового института, распространившего свое влияние практически на все сферы общественных отношений и нашедшего отражение во многих источниках действующего отечественного правового регулирования. Показано, как материалы диссертационного исследования могут выступить основой для их конкретизации в отраслевых юридических науках. Кроме того, обозначены проблемы, которые в силу разных причин оказались вне анализа в диссертации.

Ждет своего исследователя проблема психологии реализации правового института самозащиты, его реализация при конфликте частных и общественных интересов. Не менее значим анализ деятельности Совета Безопасности ООН по совершенствованию этого механизма, а также роль иных международных организаций и мирового

¹ Уздимаева Н. И. Правовая самозащита – новый комплексный институт в системе российского права // Пробелы в российском законодательстве. 2011. № 4. С. 23.

сообщества в аспектах превентивной и упреждающей самозащиты, коллективного сопротивления ее неправовым формам, в том числе посредством их адекватной юридической оценки, формирования социального сознания и правовой культуры самозащитной деятельности.

Злободневной, не только не разработанной, но даже и не поставленной в надлежащей форме, является проблема самозащиты в сфере оперативно-разыскных мероприятий. В силу секретности основных видов и средств оперативно-разыскной деятельности реальные возможности самозащиты по вполне понятным причинам ограничены, но при переводе оперативной информации в процессуальную, по всей видимости, можно вести речь о допустимости самозащиты, поиске ее способов для пресечения вторжения в область конституционно гарантированных прав, свобод, законных интересов.

В цивилистике с позиции учения о защите гражданских прав аргументируется, что отказ представляет собой самостоятельную меру самозащиты. Применение таких самозащитных мер, по мнению А. А. Сулова, является «реакцией на неправомерное поведение другой стороны и единственным примером допустимого отказа от исполнения юридических обязанностей»¹. Представленная доктринальная позиция является чрезмерно узкой и излишне ограничительной. Требуется после детальной общеправовой классификации юридических отказов выявить среди них элементы самозащиты, и тогда не исключен вывод о том, что юридический отказ – относительно самостоятельный способ самозащиты. Самобытность этого способа самозащиты нуждается в специальном тщательном анализе в институциональной плоскости.

Приложения содержат результаты социологического исследования, данные материалов судебной практики, использованных при подготовке диссертационного исследования, аналитические обзоры соответствующей правоприменительной деятельности во Владимирской, Ивановской и Нижегородской областях за период 2016–2021 гг., сводные статистические данные, проекты постановления Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации «О порядке применения законодательства Российской Федерации о самозащите», Общей части Кодекса Российской Федерации о самозащите.

¹ Сулов А. А. Понятие и виды отказов в российском гражданском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2022. С. 9.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

Статьи в российских рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК при Минобрнауки России:

1. **Зуева, Ю. В.** Самозащита в системе юридических механизмов обеспечения социально-правового статуса субъекта права (введение в проблему) / Ю. В. Зуева. – Текст : непосредственный // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2019. – № 2 (46). – С. 239–244.

2. **Зуева, Ю. В.** Кодекс Российской Федерации о самозащите: необходимость, содержание, технико-юридические особенности / Ю. В. Зуева. – Текст : непосредственный // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2019. – № 6 (131). – С. 60–69.

3. **Зуева, Ю. В.** Гражданская самозащита, конституция, демократия (рецензия на кандидатскую диссертацию А. А. Газаевой «Конституционное право на самозащиту в Российской Федерации: теория и практика») / Ю. В. Зуева. – Текст : непосредственный // Вестник Владимирского юридического института. – 2019. – № 3 (52). – С. 208–211.

4. **Зуева, Ю. В.** [Рецензия] / Ю. В. Зуева. – Текст : непосредственный // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2019. – № 3 (128). – С. 263–271. – Рец. на кн.: Румянцев С. А. Самозащита в праве: некоторые теоретические и правоприменительные аспекты / С. А. Румянцев. – Владимир : Издательство : «Шерлокпресс», 2018. – 156 с.

5. **Зуева, Ю. В.** Необходимая оборона как элемент системы гражданской самозащиты (общеправовой аспект) / Ю. В. Зуева, А. В. Козлов. – Текст : непосредственный // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2019. – № 2 (46). – С. 281–285. – Рец. на кн.: Фомина М. А. Необходимая оборона. Как доказать правомерность действий / М. А. Фомина. – Москва, 2019. – 448 с.

6. **Зуева, Ю. В.** Институт самозащиты в публичном и частном правовом пространстве / Ю. В. Зуева. – Текст : непосредственный // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2021. – № 1 (53). – С. 354–359. – Рец. на кн.: Лукки Е. В. Необходимая оборона при посягательствах на членов семьи: уголовно-правовые и криминологические аспекты / Е. В. Лукки, А. В. Шульга. – Москва : «Юрлитинформ», 2021. – 176 с.

7. **Зуева, Ю. В.** Необходимая оборона: за и против / Ю. В. Зуева, А. И. Ситникова. – Текст : непосредственный // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2021. – № 3 (55). – С. 82–90.

Монография:

8. **Зуева, Ю. В.** Необходимая оборона в системе мультиправового института самозащиты (доктрина, практика, техника) : монография / Ю. В. Зуева, С. Ф. Милюков ; под ред. В. М. Баранова. – Москва : Проспект, 2021. – 144 с. – Текст : непосредственный.

Иные публикации:

9. **Зуева, Ю. В.** Институт самозащиты в контексте уголовно-процессуального механизма противодействия экономической преступности / Ю. В. Зуева. – Текст : непосредственный // Уголовное судопроизводство. – 2019. – № 4. – С. 31–36.

10. **Зуева, Ю. В.** Самозащита права: к вопросу о правомерности и противозаконности / Ю. В. Зуева. – Текст : непосредственный // Правовая политика и правовая жизнь. – 2019. – № 3. – С. 131–135.

11. **Зуева, Ю. В.** Экономическая составляющая права на самозащиту / Ю. В. Зуева. – Текст : непосредственный // На страже экономики. – 2019. – № 1 (8). – С. 23–28.

12. **Зуева, Ю. В.** Принцип соразмерности самозащиты по действующему российскому законодательству: доктрина, практика, техника / Ю. В. Зуева. – Текст : непосредственный // Юридическая техника : Ежегодник. – 2020. – № 14: Материалы XXI Международного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему: «Система принципов российского законодательства: техника закрепления, интерпретации, реализации» (Нижний Новгород, 24–26 сентября 2020 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. – Нижний Новгород : «Проспект», 2021. – С. 581–584.

13. **Зуева, Ю. В.** Самозащита в контексте юридических инноваций / Ю. В. Зуева. – Текст : непосредственный // Юридическая техника : Ежегодник. – 2021. – № 15: Материалы XXII Международного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему: «Юридические инновации (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 23–26 сентября 2020 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. – Нижний Новгород : «Проспект», 2021. – С. 681–684.

14. **Зуева, Ю. В.** К вопросу об институциональном статусе самозащиты (общеправовой аспект) / Ю. В. Зуева. – Текст : непосредственный // Юридическая орбита. – 2021. – № 1. – С. 51–55.

15. **Зуева, Ю. В.** Институты «самозащита» и «правовая экспертиза»: особенности взаимодействия на международном поле / Ю. В. Зуева. – Текст : непосредственный // Юридическая техника : Ежегодник. – 2022. – № 16: Материалы XXIII Международного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему: «Правотворческая экспертология (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 22–25 сентября 2021 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. – Нижний Новгород : ЮНИКОПИ, 2022. – С. 309–312.

Общий объем опубликованных работ – 11,69 п. л.